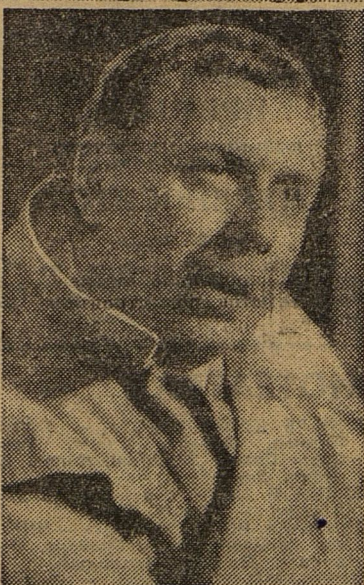
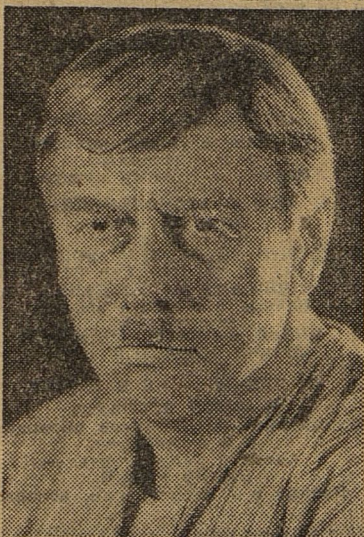

16 ИЮЛ 1986

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА
МОСКВА

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

УДАЧИ АНАТОЛИЯ ПАПАНОВА

АНАТОЛИЯ Папанова довольно долго называли мастером сатиры. Потом мы увидели фильм «Живые и мертвые» и поняли, как он умеет любить и что любит он в человеке.

Его Боксер в спектакле Театра сатиры «Дамоклов меч» был сыгран мягко, в жизненном психологическом ключе. Прежде чем обвинять и обличать своего героя, актеру нужно было его понять. И он понял, великолепно понял, что это не просто хороший, но искалеченный обществом человек. Так сказать, жертва, но та, которая охотно позволила себя морально искалечить, потому что за это общество неплохо заплатило. Не обязательно и не только деньгами — возможностью более или менее безнаказанно всадить нож в ближнего.

Актер ненавидел своего героя за то, что тот утверждал свою человеческую ценность и значительность бесчеловечными, подлыми средствами. И мы могли понять, что лично он, Анатолий Папанов, этой своей ролью хочет утвердить мысль: ценность человека измеряется способностью сопротивляться всему и всем, стремящимся морально искалечить его. И как мастерски все это было сыграно! Каким запоминающимся, каким неповторимым был этот вроде бы и мягкий человек с твердым взглядом. Как точно зафиксировались и слились в нем его профессия, среда, духовный мир! И воля художника, создавшего его.

Папанов — признанный мастер перевоплощения, он любит и умеет быть всегда разным. Зрители и критики любят в нем эту черту его таланта — просто очень интересно смотреть, как он меняется, оставаясь, однако, самим собой.

Мастерством внешнего перевоплощения обладают многие опытные актеры. Но порой это мастерство почему-то не очень радует нас. Смотришь, оцениваешь, одобряешь — и остаешься спокойным: одобряешь хорошо сделанную работу, которая к тебе прямого отношения не имеет. Это бывает тогда, когда мастерство само по себе, а актер, его личность — сами по себе. Когда за мастерством нам трудно разглядеть, что любит и что ненавидит актер.

Опытному и талантливому актеру Папанову мастерство служит инструментом, с помощью которого он открывает нам себя. И потому он не только опытный и талантливый, но еще и любимый актер. Он сыграл в театре роли, в которых сохранить, открыть себя почти невозможно. Я имею в виду Воробьянинова и Корейко — двух героев Ильфа и Петрова. Невозможно потому, что буквально у каждого зрителя есть свое прочное представление о том и другом, и актеру ничего не оставалось, как

сыграть именно это общее представление.

Эти роли — не высшие достижения актера, но человеческая его личность была видна и в них. В Воробьянинове Папанов подчеркнул ничтожество, в Корейко — хамство и тупость. И жажда богатства, которая обуревала, поглощала их обоих, стала жаждой ничтожных и тупых людей обрести через богатство сознание своей значительности и высокого ума. И опять мы могли понять, как ненавидит актер этих подонков.

Ненависть бывает разная. За ненавистью Папанова к своим персонажам встает его любовь к настоящим людям, несущим в себе подлинные человеческие ценности. Это святая ненависть, это очень нужная ненависть — поэтому актеру так легко сделать нас своими единомышленниками и союзниками.

Потом он сыграл Серпилина, воплотил в нем свое представление о настоящем человеке. Как будто ничего неожиданного в папановском Серпиле не было. Мы уже знакомы с этим человеком по роману К. Симонова, и он оказался очень похожим на героя романа — так он и должен был выглядеть. Совпадение это — первая заслуга актера, но не последняя. Знакомы были и внешняя негероичность, обыденность Серпилина, описанные в романе, — мы уже привыкли, что современное искусство как раз в таких внешне обыкновенных людях открывает замечательные черты.

Воссоздать во всей полноте того Серпилина, которого написал Симонов, — задача нелегкая. Как часто при инсценировке или экранизации хорошего романа мы с грустью отмечаем, что что-то опущено, урезано, даже считаем это неизбежным. Но Папанов не только решил эту задачу — он сделал больше. Его Серпилин стал не только воплощением, но истолкованием симоновского героя — истолкованием точным, глубоким и страстным.

Суровость Серпилина, человека жестокой и трагической судьбы, суровость, рожденная горем поражений сорок первого года и жаждой победы, обрела у Папанова

необычный оттенок — романтический, рыцарственный. Серпилин все время с людьми. Он воюет, приказывает, убеждает. Его глаза смотрят умно и зорко, он учит людей воевать и верить в победу. И в то же время есть в нем какая-то потаенная мысль, сознание высшего смысла и высшей цели того, что он совершает.

Для него эта война действительно священная война, служение человечеству, миссия, к которой он призван, осуществлять которую ему ничто не может помешать. В романе «Солдатами не рождаются» рассказано, как Серпилин был понижен в должности, потому что не захотел рапортовать о еще не одержанной победе. В фильме «Живые и мертвые» Папанов показал те черты его характера, из-за которых он поступил так: его высокая человеческая миссия не может быть запачкана ложью.

Некрасивый, нескладный человек с резким голосом предстал перед нами рыцарем человечности, солдатом праведной войны, все преодолевшим, все победившим силой своего духа. И мы увидели, что дороги актеру в человеке те подлинные человеческие ценности, которые он утверждал раньше, обличая своих сатирических персонажей.

Творческий путь Папанова в кино начался с небольшого эпизода — администратора парка в фильме «Человек идет за солнцем». Очень запомнился этот оголтелый хам, непоколебимо уверенный в своем праве говорить от имени всех трудящихся, что им нужны розы, а не подсолнухи. Он казался отвратительным пятном в светлом мире фильма. Это ощущение опять-таки было создано актером — он разделял наше отвращение.

Были и еще роли. А его последняя работа в кино, снова в комедии — «Берегись автомобиля», напомнила нам, какой это великолепный сатирический актер.

Осознанно и талантливо он обличает то, что ненавидит, и защищает то, что любит. Поэтому удача приходит к нему и — мы надеемся — ждет его на обоих направлениях его творчества.

Ю. СМЕЛКОВ.

А. ПАПАНОВ в спектаклях «Дом, где разбиваются сердца», «Золотой теленок» и «Дамоклов меч».

Фото А. ГЛАДШТЕИНА.

285